

Е.Б. ШЕСТОПАЛ, А.В. СЕЛЕЗНЕВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ И РИСКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии (shestop0505@rambler.ru); СЕЛЕЗНЕВА Антонина Владимировна – доктор политических наук, доцент той же кафедры (ntonina@mail.ru). Обе – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Аннотация. Проблема описания и осмысления социокультурных угроз государству, обществу и личности актуализирована как объективно самими социально-политическими процессами, так и субъективными реакциями на них со стороны граждан. Сложность решения данной проблемы во многом связана с двойственностью самой социокультурной сферы, включающей и социальные отношения, и культурно-духовное производство. Источником угроз в собственно социальной сфере могут выступать как структурные дисфункции социума: социальные расколы, неравенство, кризис идентичности, структурный дисбаланс в профессиональных, этнических и иных социальных группах, так и психологические дисфункции общества, аномия, дефицит солидарности, неудовлетворенные потребности в безопасности, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, состояние неуверенности в завтрашнем дне и отсутствие долгосрочных перспектив. Вестернизация, массовизация, технологизация, виртуализация культуры, морально-нравственный кризис, деформация каналов и механизмов трансляции духовного наследия являются основными угрозами, исходящими от культурной среды. Приведенный перечень рисков и угроз не является исчерпывающим, но позволяет обозначить наиболее «уязвимые» места в социокультурной сфере, «прорыв» которых может иметь угрожающие последствия для российского государства и общества, или стать точкой роста и развития.

Ключевые слова: социокультурная сфера • угрозы • государство • общество • личность • психологическое состояние общества • идентичность • вестернизация

DOI: 10.31857/S013216250002161-0

Постановка проблемы. Когда эксперты обсуждают проблемы безопасности, обычно поиск угроз и рисков лежит в военной, технической, экологической, экономической и иных негуманитарных областях. Между тем, социокультурная (СК) сфера не только мишень для различных угроз, но и сама может стать их источником, если в этой сфере возникают деструктивные процессы. Например, фактором риска и для государства, и для человека является распространение групп смерти в Интернете или рост религиозного экстремизма. Это примеры радикальных форм социального поведения. Постсоветская история полна примерами, вроде бы не столь угрожающих, но от этого не менее опасных процессов, таких как вестернизация культуры или падение уровня грамотности. Самое опасное явление постсоветского времени – нравственная деградация, ставшая возможной, поскольку старые социальные нормы исчезли, а новые еще не возникли. Кризис идентичности оказался ничуть не менее серьезной угрозой для целостности государства, чем угроза военная. Так, в первые постсоветские годы в России выросла смертность за счет сердечно-сосудистых заболеваний у 40–50-летних мужчин, которые «не смогли преодолеть шок от мгновенного

перехода к рынку» [Четверть века..., 2015: 7]. Тем самым СК факторы прямо повлияли на рост смертности.

Если ранее государственные организации, обеспечивающие безопасность, подобные факторы не принимали во внимание, то в последние годы эта тема широко обсуждается. Нашла она отражение и в концепции национальной безопасности, определившей стратегические приоритеты и в области социальных отношений, культуры, науки и образования как элементов СК сферы¹.

Перед исследователями СК угроз и рисков стоит сложнейшая задача. Необходимо обозначить область научного поиска, определить объект изучения, имеющий в нашем случае разные терминологические обозначения: «социокультурное пространство», «социокультурная сфера», «социокультурная среда», каждое из которых имеет множество трактовок [Ремизова, 2012]. Авторы используют понятие социокультурная сфера, включая в нее социальные отношения, культуру и их взаимодействие. Мы опираемся на СК подход, в рамках которого «общество понимается как единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [Лапин, 2000: 5–6].

Далее необходимо выявить СК угрозы, описать и классифицировать их, а затем предложить модели интерпретации. Угрозами в данном случае являются опасности с высокой вероятностью их осуществления, выходящие за локальные границы и несущие значительные риски для основных национальных ценностей [Михайленко, Груздов, 2011].

Возможность идентификации угроз в СК сфере обусловлена рядом проблем.

Во-первых, это сложность при непрерывной изменчивости СК сферы.

Во-вторых, трудность формализации СК оценок в экономическом и техническом эквивалентах. «В государственной статистике описания актуальных социальных групп и отношений между ними сведены к абстрактным демографическим и социально-экономическим показателям» [Кордонский, 2013: 65]. Когда последствия угроз выходят за пределы компетенций отдельных государственных служб, то срабатывает принцип коллективной безответственности.

В-третьих, многие СК угрозы носят субъективный, а не объективный характер. Отдельный человек или общество в целом воспринимают то ли иное явление как угрозу, даже если оно таковым в действительности не является. Эти угрозы могут являться объективно «мнимыми», но от этого они не перестают восприниматься гражданами в качестве таковых, и известно немало случаев, когда мнимые угрозы приводили ко вполне реальной панике, взрывам протестов и т.п.

Оценка набора угроз, рисков и уязвимости в СК сфере, на наш взгляд, предполагает поиск ответов на несколько вопросов:

- откуда в этой сфере исходит угроза?
- что именно может угрожать безопасности и в чем эта угроза выражается, каков ее характер (реальная или мнимая)?
- чему или кому именно это угрожает?

Для ответа на первый вопрос разделим угрозы, имеющие своим источником широкое СК пространство, на две отдельные области: социальную и культурно-духовную². Второй вопрос предполагает выявление самого набора угроз и описание их характера. Так, в каждой из указанных сфер необходим поиск различных «поломок», которые могут представлять угрозу. Здесь же мы попытаемся наметить хотя бы самый общий их набор. Оценка масштаба выявленных угроз и их возможных последствий потребует проверки гипотез в специальном исследовании. Ответ на третий вопрос предполагает описание, на что направлено это угрожающее воздействие. Нами будут

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² В нашем исследовании кроме этих двух областей рассматривались также политическая и идеологическая сферы, которые в данной статье не затрагиваются.

рассмотрены три важнейших направления действия этих угроз в адрес: *государства, общества и личности.*

Социальная сфера. В социальной сфере угрозы могут исходить как от *структурных дисфункций* социума (профессиональных, этнических, демографических и иных диспропорций в структуре общества), так и корениться в *социально-психологических процессах* (настроениях, тревогах, опасениях, ожиданиях и т.п.), которые чреваты возникновением социальных конфликтов, протестов, недовольства, способных дестабилизировать государство в целом, регион, поселение, ослабить их управляемость.

Структурные дисфункции общества. В профессиональной сфере перепроизводство кадров, как это было недавно с экономистами и юристами, грозит безработицей. И, наоборот, сегодня многие производства испытывают нехватку специалистов с современным инженерным образованием. Дефицит компетентных специалистов угрожает конкретным производствам, отраслям и пр.

Увеличение выше привычного уровня числа лиц из тех или иных *этнических групп* (например, мигрантов) в регионах с преобладанием русского населения чревато ростом националистических настроений и даже межэтническими конфликтами. Сюда же можно отнести состояние социальных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность населения: здравоохранения, социального обеспечения стариков, инвалидов, многодетных семей и пр. Исследования социологов в последние годы фиксируют рост обеспокоенности населения по поводу здравоохранения и образования. И это не просто «мнения», а фактор роста общественного недовольства, способный дестабилизировать политическую систему.

Угрозой обществу могут быть *социальные расколы* между различными группами: поколениями, этносами, конфессиями, между коренным населением и мигрантами, между работодателями и работниками. Они порождают усиление конфликтности, невротизацию, депрессивные настроения и отсутствие мотивации достижения, ведут к снижению социального доверия, подрывают социальное здоровье нации.

В анализе социальных угроз особое место занимают угрозы, связанные с *растущим разрывом в уровне доходов богатых и бедных*, массовым обеднением населения. Как показывают данные пяти «волн» мониторинга ИС РАН (2014–2016), в условиях экономического кризиса в России происходит двукратное расширение группы бедных, а также негативное изменение экономического положения и структуры занятости представителей средних слоев общества [Российское общество..., 2017: 385–386]. При этом социологи отмечают: оценка нанесенного экономическим кризисом ущерба дифференцирует граждан значительно сильнее, чем их реальное материальное положение [там же: 17]. Поэтому важны не только и не столько цифры официальной статистики, сколько восприятие населением происходящих процессов, которое носит субъективный характер. Наиболее остро из всех видов неравенств россияне воспринимают *неравенство доходов*. И классифицировать эти ощущения людей как «мнимые угрозы», едва ли правильно. Они ведут ко вполне определенным поведенческим реакциям, угрожающим стабильности общества и политической системы.

Наряду с ситуативными изменениями в обществе фиксируются и более фундаментальные проблемы. К ним относится *кризис идентичности*, продолжающийся весь постсоветский период. О нем написано множество работ. Одно из наиболее значимых – энциклопедическое издание ИМЭМО РАН [Идентичность..., 2017]. И хотя кризис идентичности характерен для всего мира, но в России, после распада СССР, он имеет уникальные характеристики и смыслы. События 1991 г. привели не только к утрате прежней национально-гражданской идентичности, но и к изменению в самовосприятии гражданами других типов идентичностей: религиозной, политической, этнической и др.

К числу наиболее исследованных разновидностей идентичности относится *национально-государственная идентичность* [Евгеньева, Селезнева, 2016; Титов, 2017]. В России о ее сформированности пока не приходится говорить, хотя запрос на нее в обществе существует, что проявляется в усилении массовых консолидационных

настроений [Российское общество..., 2017: 379]. Ситуация перед выборами 2018 г. показала: процесс консолидации общества, постепенно затухавший после событий Крымской весны 2014 г., вновь существенно усилился из-за роста внешнеполитических угроз, отразившись на результатах выборов. Однако говорить о необратимости данной тенденции явно преждевременно. Более того, незавершенность формирования национально-государственной идентичности в будущем может угрожать политической стабильности, поскольку тормозит процессы социальной и политической консолидации, которые начались после событий 2014 г. Проблема также в том, что до сих пор формирование новой национально-государственной идентичности шло во многом за счет «образа врага», как основания для сплочения общества. Такой тип консолидации в отсутствии позитивных ценностно-смысловых оснований для самоидентификации представляет собой потенциальную опасность, поскольку не создает позитивного потенциала для поддержания единства нации **в долгосрочной перспективе** [Селезнева, 2017].

Проявления русского национализма, хотя и встречаются на бытовом уровне, широкого распространения не имеют. Так, по данным исследования ФОМ (2016) по заказу ФАДН, 93% респондентов лично не сталкивались с ограничением своих возможностей из-за национальности³. Распространение националистических настроений во многом следствие «взрыва этничности» 1990 гг. и значительного притока в страну инокультурных мигрантов. За последние два-три года ситуация с мигрантами изменилась. Как показало исследование ИС РАН, какая-то часть временных трудовых мигрантов просто уехала по причине изменений курса рубля, другая – сумела адаптироваться и ведет себя в соответствии с нормами страны пребывания. Но имела значение и смена вектора межэтнических напряжений [Российское общество..., 2016:250]. В нынешних условиях это, возможно, еще и следствие формирующегося этно-изоляционизма, охранительной этнической идентичности, как ответа на санкции Запада.

Наше исследование образов стран-соседей в российском обществе показало: отношение к выходцам из бывшего СССР и, в т.ч. к мигрантам из этих стран, намного более позитивно, чем можно было ожидать [Наши соседи..., 2017]. Здесь сказывается и оживившаяся в последние годы ностальгия по СССР (хотя она более характерна для людей старшего возраста). Улучшение отношения к мигрантам коренится и в психологическом состоянии нашего общества: на смену ощущения своей слабости и униженности первых постсоветских лет приходит гордость за свою страну, возвращается чувство собственного достоинства, которое меняет и наши оценки стран-соседей, и иных регионов мира [там же: 122].

Именно девиации в *этнической идентичности* прямо связаны с угрозой национализма, который трактуется рядом авторов, как «негативно оцениваемая национальная идентичность, включающая негативное отношение к другим нациям и их представителям». В противовес национализму используется другое понятие – патриотизм, как приверженность своей стране – нации – национальному государству, не сопровождаемая ксенофобией или чувством национального превосходства [Фабрикант, 2017:55].

Психологические дисфункции общества. Наряду со структурными дисфункциями, угрозу несут и те или иные *психологические состояния общества* (тревожность, отчуждение, аномия, конфликтность и т.п.). В социальной сфере серьезным вызовом может стать деградация *морально-психологического состояния общества*: распространение индивидуализма, меркантилизма, потребительства, дефицит солидарности и доверия, неудовлетворенные потребности в безопасности, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, несовпадение запросов общества и элиты, состояние неуверенности в завтрашнем дне и отсутствие у граждан долгосрочных перспектив, связанных со своей страной.

³ Доклад об итогах работы Федерального агентства по делам национальностей в 2016 году и задачах на 2017 год. С. 63. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/673/original/доклад_итоги_работы_ФАДН_России_2016.pdf?1492158325 (дата обращения: 01.03.2018).

В целом, с точки зрения социально-психологического процесса ситуация представляется весьма противоречивой. Множество исследований в социальных и гуманитарных науках показывают, что мы живем в ситуации транзитивности, неопределенности, стабильного непостоянства и изменчивости [Бауман, 2008; Зубок, 2007; Тощенко, 2008]. Это не исключительно российская черта, но в России последних лет эти общие характеристики СК пространства усилены резкими кризисными явлениями. Высокий уровень тревожности – выражение реальных и потенциальных угроз стабильности общества, показатель его ограниченных адаптационных ресурсов. В качестве массового умонастроения социальные тревоги воздействуют на субъекта, обуславливая его специфические социально-психологические состояния от беспокойства и разочарования до выражения протеста в различных формах социального действия. Социальная тревожность и социальные опасения, существующие в сознании россиян, при определенных условиях могут спровоцировать открытые спонтанные или организованные формы протеста.

Однако, как показало масштабное исследование ИС РАН, кризис 2014 г. (присоединение Крыма к России) привел к результатам, противоположным ожиданиям Запада. Вместо роста социального напряжения, которое могло бы вылиться в протестные настроения и действия, реакцией на эти события стали национальная консолидация и массовый рост российского патриотизма [Российское общество..., 2017]. Основным проблемным «узлом», отражающим наиболее опасные, по мнению россиян, тенденции, и от которого может исходить опасность для страны, стал украинский кризис, втягивание в него России, расширение НАТО на Восток, связанное с этим нагнетание международной напряженности [там же: 10].

Наряду с этими негативными состояниями в обществе фиксируются консолидация и подъем патриотизма. В 2015 г. в связи с празднованием 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне стали проявляться зачатки новых культурных образцов, ориентированных на мобилизацию. Социологи обнаружили парадоксальный для современной российской действительности феномен: источниками такого «ренессанса патриотизма» стали не традиционно консервативные регионы, а «прогрессистски» настроенные Москва и Санкт-Петербург.

В то же время, начиная с 2015 г., стали фиксироваться изменения основных страхов и тревог российского общества. Сегодня много говорят и пишут о *посткрымском синдроме*, который выражается в разнообразных и противоречивых настроениях общества от раздражения из-за строительства крымского моста или высоких цен на отдых в Крыму до страха перед внешними угрозами, в которых обвиняют тот же Крым. Но главные опасения и угрозы граждане все же видят в росте цен, безработице и незащищенности перед работодателями. Однако, несмотря на определенное снижение уровня социальной консолидации, полного возврата к докрымскому состоянию общества не произошло.

В оценке новых настроений через четыре года после присоединения Крыма – отправной точки явной консолидации общества, присутствуют: адаптация к новым угрозам и вызовам извне, с одной стороны, и раздражение, невротизация – с другой. Отношение граждан к тому, что произошло после 2014 г., носит неустойчивый и противоречивый характер, а главное не всегда «ловится» социологическими методами, так как не полностью осознается гражданами.

Культурно-духовная сфера. Основная задача, стоящая перед государством и обществом в сфере духовной культуры – это обеспечение культурно-духовной и морально-нравственной безопасности граждан в сфере значимых интересов личности и общества от внешних и внутренних угроз [Гафиатулина, 2017]. В этой области можно выделить несколько общих и взаимосвязанных противоречий и проблем.

Вестернизация духовно-культурной сферы. В постсоветский период культура России оказалась открыта внешнему, преимущественно западному влиянию. *Проникновение ценностей и предметов западной культуры* в 1990-е гг. носило крайне хаотичный и лавинообразный характер. В настоящее время значительная часть всех существующих в России предметов культуры во всех ее сегментах (музыке, театре,

кино, изобразительном искусстве, художественной литературе и пр.) заимствована с Запада.

В современных российских реалиях наблюдаются периоды усиления или ослабления вестернизации в связи с обострением внешнеполитических отношений с Западом. Однако неизменно остро стоит проблема совместимости культурных заимствований с традиционными российскими образцами и ценностями. Отношение к западной культуре определяется в конкретные периоды политическим контекстом и варьирует от полного отвержения без критического осмысления положительных моментов до некритического принятия без поправок на национальную специфику. Проявлениями процесса вестернизации культуры стала ее *массовизация* и *виртуализация*.

Тенденция массовизации культуры проявляется во множестве аспектов. Обозначим лишь некоторые, наиболее важные с нашей точки зрения. Во-первых, современная массовая культура предлагает обществу огромный (подчас неограниченный) объем знаний, которые изменяют и модернизируют социальную реальность путем появления, распространения и внедрения в социальную жизнь различных новаций. Во-вторых, массовая культура прямо или косвенно способствует распространению «западного» мировоззрения, идей и идеалов. В-третьих, массовая культура формирует культ технологического знания, так как она сама базируется на современных информационно-коммуникационных технологиях.

Виртуализация культуры, огромное влияние на нее информационного пространства и сети Интернет имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, он обладает мощным позитивным потенциалом, в основе которого почти безграничные информационные ресурсы и эффективные цифровые технологии. С другой стороны, государство недостаточно эффективно использует механизмы контроля, и потому интернет-пространство очень загрязнено (особенно социальные сети), что деформирует культурную среду.

Кризис морально-нравственной сферы – значимая характеристика сегодняшнего российского общества, обуславливающая его уязвимость и способная трансформироваться в полномасштабную угрозу – проявляется в снижении моральных стандартов и общего культурного уровня граждан, дегуманизации всех видов человеческой жизни, развитии деструктивных социально-культурных явлений.

Исследователи констатируют серьезные *изменения в культурном поведении граждан*, которые выражаются в снижении посещаемости учреждений культуры: библиотек, музеев, филармоний, театров, клубов и пр. [Рубинштейн, Музычук, 2014]. По состоянию на начало 2015 г. (то есть сразу после 2014 г., объявленного годом культуры в России) эксперты фиксируют отсутствие интереса у граждан к событиям культурной жизни (55%) и низкий уровень доступности культурных форм досуга для жителей сельской местности, средних и малых городов (45%) [Калмыкова, Кацаурова, 2017: 162].

В сегодняшней России функционирует несколько *разнополюсных систем ценностей и типов духовного мировоззрения*. Основной раскол происходит по ценностной оси «общее – индивидуальное» и определяет базовые ориентации граждан: солидаристскую – на общие цели и индивидуалистскую – на задачи персонального существования [Андреев, 2007]. Так, основные жизненные цели и ценностные ориентации российской молодежи носят по преимуществу прагматичный и утилитарный характер. Молодые люди хотят иметь семью, достаток, работу, собственную квартиру и хорошее образование [Ценностные ориентации..., 2017: 43–44]. Удовлетворение социальных и духовных потребностей, работа на общее благо – на втором месте.

Снижение общего морально-нравственного уровня делает государство и общество уязвимыми из-за опасности массового разрастания деструктивных и противоправных форм поведения, снижая общий уровень законности и правопорядка, стабильности и безопасности в стране. Дальнейшее усиление кризиса в морально-нравственной сфере чревато рисками духовно-нравственной стагнации, деградации и дезинтеграции российского общества, утратой культурной самобытности,

уникальности, неповторимости, уничтожением духовного потенциала нации. В самом широком смысле в ситуации морально-нравственного упадка общества и нарушения трансляции культурной памяти существует угроза утраты социокультурной идентичности всего сообщества.

Крайне негативным и деструктивным следствием морально-нравственного кризиса в обществе является *развитие религиозного экстремизма*, отрицающего традиционные для общества ценности и догматические устои, а также пропаганда идей, противоречащих им. Конкретное воплощение религиозного экстремизма – деятельность тоталитарных сект, использующих жесткие методы контроля за сознанием и поведением адептов. Наиболее агрессивные формы проявляет экстремизм, прикрывающийся исламом [Рыкова, 2017: 38]. Деятельность религиозных экстремистских организаций несет угрозу социальной деградации. Они составляют прямую угрозу конституционному строю Российской Федерации, поскольку призывают к смене власти в государстве путем использования противоправных форм и методов действия.

Деформация каналов и механизмов трансляции культурно-духовного наследия. В России происходит изменение функциональной роли и значимости институтов и агентов социализации, призванных воспитывать подрастающие поколения, транслировать культурное наследие и духовный опыт нации.

Трансляция духовных ценностей молодому поколению и воспроизводство коллективных (социальных, политических, исторических и других) представлений в современной России осуществляется по двум основным векторам – вертикальному (через семью – межпоколенческий механизм передачи культурной памяти) и горизонтальному (через контролируемые государством образовательные учреждения и СМИ – путем участия людей в текущих политических процессах) [Бараш, 2013]. При этом в обоих форматах есть свои проблемы.

В *российском образовании* происходят процессы, в корне меняющие его функциональное назначение как социального института. Образование перестает быть институтом, создающим и транслирующим знания, ценностно-мировоззренческие установки и паттерны поведения, уступая эту функцию СМИ и Интернету и фокусируясь преимущественно на инструментальных задачах [Пилюгина, 2013:19]. В современных условиях почти неограниченного доступа к информации педагог перестает быть источником знания и превращается в их комментатора (помощника в осмыслении информации), а само знание фактически теряет свой смысл и значимость (трансформация ценности знания является отражением более общего ценностного кризиса в сфере гуманитарной науки [Федотова, Яковлева, 2012]). В итоге школа, в том числе высшая, из института воспитания и обучения превращается в сферу услуг и потребления.

Трансляция социокультурных представлений и ценностей в рамках школы и СМИ не осуществляется в систематическом и целенаправленном режиме. В результате у граждан, в первую очередь молодежи, не формируется целостная картина мира: в ней сосуществуют разнонаправленные и противоречивые установки и ценности, зачастую шаблонные, когнитивно бедные социально-политические и культурные представления [Селезнева, 2015].

Обозначенные выше общие проблемы в культурно-духовной сфере влияют на все социокультурное пространство и повышают уязвимость государства, общества и конкретной личности в случае перерастания проблем и противоречий в полномасштабные угрозы.

Некоторые выводы. В своем анализе основных рисков и угроз мы исходим из того, что СК сфера представляет собой *человеческое измерение* всех процессов, происходящих в обществе и государстве. Это наиболее сложная область человеческой деятельности, содержащая множество противоречий, имеющих двойственный характер. Это означает, *во-первых*, рост этих противоречий может содержать угрозу, но также быть точкой роста и развития общества. *Во-вторых*, двойственность социокультурной сферы требует не прямолинейных и простых решений, а тонкой «наладки». Непродуманные и примитивные действия, не учитывающие сложности

системы, сами могут стать фактором риска, дестабилизируя общество и государство. В-третьих, переживание угроз массовым сознанием в виде тревог и страхов может быть как адекватным, так и искаженным. Но даже будучи реакцией на мнимую угрозу, эти социальные настроения вполне объективно воздействуют на политическую и управленческую сферу.

При оценке СК угроз исследователи обращают внимание на опасности и риски, имеющие характер конфликтов, проявлений радикализма, угрозу «цветных революций» и т.п. Но не меньшие угрозы представляют социальная тревожность и политическая апатия, снижение моральных стандартов, распространение индивидуализма и меркантилизма, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, отсутствие в публичном пространстве образцов служения обществу и высоких моральных стандартов со стороны элит, кризис идентичности, снижение уровня социального доверия, которые в итоге подрывают социальное здоровье нации. Указанные характеристики общественного сознания порождают нежелание и неспособность граждан менять что-либо в своей жизни и создают риск демобилизации перед лицом серьезных внутренних и внешних угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38–44.
- Бараш Р. Между исторической памятью и толерантностью // Вестник российской нации. 2013. № 1–2. С. 16–45.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Гафиатулина Н.Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи: социологический анализ основных угроз // Вестник института ИАЭ. 2017. № 1. С. 134–144.
- Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25–36.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
- Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – март 2016 г. / Под ред. Т.М. Малевой. М.: РАНХиГС, 2016.
- Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017.
- Калмыкова Н.Н., Кацаурова С.Ю. Состояние российской культуры: тренды, проблемы, решения // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 1. С. 149–168.
- Кордонский С. Классификация и ранжирование угроз // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 52–73.
- Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–47.
- Михайленко А., Груздов С. Понятия угрозы и вызова национальной безопасности // OBSERVER. 2011. № 2. С. 57–63.
- Наши соседи: взгляд из России. Восприятие российскими гражданами бывших республик СССР: Материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2017. № 4. С. 92–127.
- Пилюгина Е.В. Образование в социальном пространстве постмодерна: тенденции и перспективы // Studia Humanitatis. 2013. № 2. URL: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-obrazovanie-v-socialnom-prostranstve-postmoderna-tendencii-i-perspektivy> (дата обращения: 04.03.2018).
- Ремизова М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24). В 2-х ч. Ч. I. С. 158–162.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2017.
- Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2016.
- Рубинштейн А.Я., Музычук В.Ю. Оптимизация или деградация? Между прошлым и будущим российской культуры? // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 5–22.
- Рыкова И.Ю. Религиозный экстремизм как угроза конституционному строю современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 36–40.

- Селезнева А.В. Молодежь в современной России: политические ценности и представления. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.
- Селезнева А.В. Ценностные основания российской национально-государственной идентичности // Вестник российской нации. 2017. № 4. С. 82–94.
- Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 42–54.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 23–35.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
- Фабрикант М.С. Исследования общественного мнения о мигрантах в современной России: «предложение» нациестроительства или «спрос» на гордость страной? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 47–60.
- Федотова В.Г., Яковлева А.Ф. Наука и модернизация // Философия и культура. 2012. № 9. С. 63–72.
- Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / Под общ. ред. С.В. Чуева. М.: Изд. дом ГУУ, 2017.
- Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2015.

Статья поступила: 26.03.18. Принята к публикации: 31.03.18.

SOCIO-CULTURAL THREATS AND RISKS IN CONTEMPORARY RUSSIA

SHESTOPAL E.B., SELEZNEVA A.V.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Elena B. SHESTOPAL, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Chair of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science (shestop0505@rambler.ru); Antonina V. SELEZNEVA, Cand. Sci. (Polit.), Lecturer, Chair of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science (ntonina@mail.ru). Both – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. With the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the project «Development of a forecast for the implementation of the priority of scientific and technological development defined in paragraph 20d of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation “Counteracting technogenic, biogenic, socio-cultural threats, terrorism and ideological extremism, as well as cyber threats and other sources of danger for society, economy and the state”» (agreement No. 14.601.21.0018 of October 23, 2017).

Abstract. The problem of the socio-cultural threats in contemporary Russia is actualized today by many factors that are related both to objective socio-political processes and to subjective reactions to them by citizens. The multidimensionality of the socio-cultural sphere determines the complexity of this problem and its solution. The approach, discussed in this article, is aimed to identify the sources of threats, their contents and the objects to which they are directed. The latter are state, society and personality. The source of threats in the social sphere are structural dysfunctions of the society: social splits, inequality, identity crisis, structural imbalance in professional, ethnic and other social groups. Threats to the socium can also be caused by psychological dysfunctions: anxiety, anomie, lack of solidarity, unsatisfied security demand for social justice, a state of uncertainty and the absence of long-term prospects. The main characteristic of the cultural and spiritual sphere today is the multiculturalism that has emerged as a result of globalization, westernization, massification, technologization, etc., and is characterized by the mixture of different cultures. This has obvious positive consequences in the form of enriching the culture and building of the global trends. However, this creates problems too: a threat to national traditions in culture as the base of steady political development. The development of the identified problems in the socio-cultural sphere in the future can have both negative consequences for the Russian state and society, and lead to positive changes.

Keywords: sociocultural sphere, threats, state, society, personality, psychological state of society, identity, westernization.

REFERENCES

- 25 years after the USSR: people, society, reforms. (2015) Ed. by Shestopal E.B., Shutov A. Yu., Yakunin V.I. Moscow: Izd-vo Moskovsk.un-ta. (In Russ.)
- Andreev A.L. (2007) Aspects of values and global visions regarding social inequalities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 9: 38–44. (In Russ.)
- Barash R. (2013) Between historical memory and tolerance. *Vestnik Rossijskoj natsii* [Bulletin of Russian nation]. No. 1–2: 16–45. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Flowing Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 25–36. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. (2016) Soviet past in value, image and symbolic space of Russian identity. *Polis: Politicheskie issledovaniya* [Polis: Political Studies]. No. 3: 25–39. (In Russ.)
- Fabrikant M.S. (2017) Research of public opinion on migrants in modern Russia: “proposal” of nation-building or “demand” for pride in the country? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 1: 47–60. (In Russ.)
- Fedotova V.G., Yakovleva A.F. (2012) Science and modernization. *Filisifiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. No. 9: 63–72. (In Russ.)

- Gafiatulina N. Kh. (2017) Spiritual and moral security of Russian youth: a sociological analysis of the main threats. *Vestnik instituta IAE* [Bulletin of the Institute of the IAE]. No. 1: 34–144. (In Russ.)
- Identity: Personality, society, politics. Encyclopaedic edition.* (2017) Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Kalmykova N.N., Katsurova S. Yu. (2017) The state of Russian culture: trends, problems, solutions. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economics]. Vol. 11. No. 1: 149–168. (In Russ.)
- Kordonsky S. (2013) Classification and ranking of threats. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 2: 52–73. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2000) Crisis society in the context of sociocultural transformations. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3: 3–47. (In Russ.)
- Mikhaylenko A., Gruzlov S. (2011) The concepts of threat and national security challenge. *OBSERVER*. No. 2: 57–63. (In Russ.)
- Our neighbors: a view from Russia. Perception of the former USSR republics by Russian citizens: Round table materials. (2017) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser. 12. Political science]. No. 4: 92–127. (In Russ.)
- Pilyugina E.V. (2013) Education in the social space of postmodernism: trends and prospects. *Studia Humanitatis*. No. 2. URL: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-obrazovanie-v-socialnom-prostranstve-postmoderna-tendencii-i-perspektivy> (accessed 04.03.2018). (In Russ.)
- Remizova M.N. (2012) Interpretation of the concept of "sociocultural space" in classical sociology. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice]. No. 10 (24). P. 1: 158–162. (In Russ.)
- Rubinshtein A. Ya., Muzychuk V. Yu. (2014) Optimization or degradation? Between the past and the future of Russian culture? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 5–22.
- Russian Society and the Challenges of Time.* (2016) Book 4. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Russian Society and the Challenges of Time.* (2017) Book 5. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Rykova I. Yu. (2017) Religious extremism as a threat to the constitutional order of modern Russia. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 2 (36): 36–40. (In Russ.)
- Selezneva A.V. (2015) Values of Russian national-state identity. *Vestnik rossiyskoi natsii* [Bulletin of Russian nation]. No. 4: 82–94. (In Russ.)
- Selezneva A.V. (2015) *Youth in Modern Russia: the Political Values and Preferences*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2017) Stratification of income in Russia: the specifics of the model and the vector of changes. Article 1. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 2: 23–35. (In Russ.)
- Titov V.V. (2017) National-state identity as a space of political meanings and images. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of the Tula State University. Humanitarian sciences]. No. 1: 42–54. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) *Paradox Man: a monograph*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: the results of the study* (2017) Ed. by S.V. Chuyev. Moscow: Izd. dom GUU. (In Russ.)
- Zubok Yu.A. (2007) *The Phenomenon of Risk in Sociology. Experience in Youth Research*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Received: 26.03.18. Accepted: 31.03.18.